

АЛИМ МОРОЗОВ

ИЗ ЗАБЫТОЙ ПАПКИ ПОЭТА

К 90-летию со дня рождения поэта Алексея Прасолова

Возле “пруда, где нынче омут, // Где, говорят, бывал Толстой, // Родился я...”. Так известный воронежский поэт Алексей Прасолов в поэме “Владыка” сообщает о месте своего рождения. Если определить конкретнее, то это село Ивановка, относившееся тогда к Россошанскому району Воронежской области. Ныне этого села нет, а территория, на которой Ивановка располагалась, отошла к Кантемировскому району. Появление поэта на свет произошло 13 октября 1930 года, ровно 90 лет назад.

Первое стихотворение Алексея Тимофеевича Прасолова было напечатано в россошанской районной газете “Заря коммуны” 7 ноября 1949 года. Называлось оно “Великий свет”. В нём с наивным юношеским восторгом молодой поэт воспевал Октябрьскую революцию и её великих вождей.

Алексей долго не решался выступать со стихами, стеснялся признаться однокашникам по педагогическому училищу в своих сокровенных поэтических опытах. Преподавателю педагогики Александре Ивановне Просфорниной пришлось долго уговаривать Прасолова, чтобы он согласился поместить свои стихи в училищном рукописном журнале.

В районной газете сочинения юного поэта появились благодаря её редактору Борису Ивановичу Стукалину. Однажды во время встречи редактора с учащимися педучилища второкурсник Алексей Прасолов передал ему ученическую тетрадь со своими стихами. Выбор парня из села Морозовки оказался тогда на редкость удачным. В лице Б. И. Стукалина он сразу нашёл и заинтересованного читателя, и первого доброжелательного критика. После этого в “Заре коммуны” Алексей Прасолов в течение полутора лет печатался почти регулярно и как поэт, и как очеркист, а случалось, и как репортёр. Эти первые литературные опыты увлекли его, но ещё не до такой степени, чтобы свернуть с ранее избранного пути.

После окончания педучилища Прасолов оставался в роли сельского учителя недолго. Первый год он отработал в семилетней школе села Первомайского. На следующий, 1952 год перебрался учительствовать в Шекаловку. На новом месте продержался до декабря. Директор школы не устоял перед настойчивыми просьбами молодого учителя отпустить его в Воронеж. В областной центр Алексей отправился по приглашению того же Б. И. Стукалина, который к тому времени возглавлял редакцию “Молодого коммунара”.

Новичка из провинции определили на должность корректора. Места литсотрудников в областной молодёжной газете к тому времени уже были заняты

широко известными воронежским читателям авторами: Владимиром Кораблиновым, Василием Песковым, Павлом Касаткиным, Иваном Сидельниковым. Для начинающего поэта из сельской глубинки работать в такой редакции было престижно. К тому же редактору удалось быстро решить вопрос с жильём: Прасолову вместе с Павлом Касаткиным выделили однокомнатную квартиру. Казалось бы, более интересная и разнообразная городская жизнь должна была пригласить Алексея, но он, наоборот, вскоре начал ею тяготиться. В одном из писем своему земляку Михаилу Шевченко Прасолов тогда с грустью писал: “Тут и птиц почти нет. Вместо них звенят деньги, свистки на перекрёстках”. Отношения с областной писательской организацией у него не сложились, а однообразная работа корректора ему вскоре порядком наскучила. К тому же и от своего сочинительства он не получал удовлетворения. Разочарование своими последними стихами в то время Алексей выразил в письме Стукалину: “...Прежние (сельские) стихи... пусть они не глубоки, но светлы; а последние — как могильные плиты; под их формой я хоронил в каждом живое, сегодняшнее, поэтому, когда я дописывал последнюю строчку и остывал, мне не хотелось их читать...” Причину этих творческих неудач поэт прямо связывал с переездом в Воронеж. “Город втиснул меня в скорлупу, сковал, оглушил и, наконец, озлобил; я ходил с одним желанием: бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью! Хорошо, что я дольше не остался там...”

А ещё недавно в стихотворении, посвящённом Ал. Багринцеву, Алексей, выражая свою приверженность к сельской жизни, писал:

*И так милы мне мазаные хаты,
Где люди все — как из одной семьи.
Кто так любовью, как они, богаты?
Родные... работающие мои...
Да, все мы дети Родины великой,
Как будто мать одна нас родила.
И потому с невольною улыбкой
Я прохожу по улицам села.
И потому, вовек не зная скуки,
В людскую гущу я всегда и мчусь.
И там, где труд и слышны песен звуки,
Я нахожу истоки новых чувств.*

В августе 1955 года Алексей Прасолов сбежал из областного центра и вернулся в Россошь. С 1 сентября он был зачислен в штат районной газеты “Сталинская искра”. Вряд ли перемена места жительства и работы принесли ему удовлетворение. В том же году к Алексею Прасолову неожиданно пришли другие, приятные хлопоты и волнения. На пути из Воронежа в Россошь в общем вагоне пассажирского поезда он познакомился с симпатичной девушкой Ниной Лукьяновой. Она только что окончила Астраханский финансовый техникум и по направлению ехала в Ольховатку на работу. Случайное знакомство быстро переросло в любовь. Провидение тут же послало влюблённому поэту испытание: Нину с повышением перевели из Ольховатки в Петропавловку. Но для Алексея увеличение расстояния между ним и возлюбленной и водная преграда в виде широкого Дона не стали непреодолимым препятствием. Петропавловка для него стала сразу главным центром притяжения. Не прошло и года с той памятной встречи в поезде, как Алексей и Нина стали мужем и женой. Это знаменательное событие поэт в 1956 году запечатлел в одном из своих стихотворений:

*И вот за то, что долго
мы искали
Друг друга в шумном
шестии людей,
Устелет след дорожку
лепестками,
Чтоб мы смогли вдвоём
пройти по ней.*

Ещё одно важное событие в жизни молодого человека произошло в 1957 году: у Прасоловых родился сын Сергей. Но безмятежная семейная жизнь продолжалась недолго. Однообразная работа в газете Алексею давалась слишком легко, а стремлению творить препятствовали узкие рамки районки. Это противоречие с окружающей поэта обыденностью приводило к конфликтам. Его поведение было непонятно окружению, и он всё чаще общался с “зелёным змием”. 1 июня 1958 года Прасолов уволился с работы в редакции. В этот же день в газете, называвшейся к тому времени “Ленинской искрой”, было напечатано его стихотворение “Обречённый корабль”, которое начиналось вопросом: “Эй, куда ты средь полночи тёмной // направляешь корабль, капитан?” и кончалось пессимистическими строчками:

*На пути твоём
гибельный риф,
Час придёт —
и заплачут сирены,
Погребальный напев
повторив...*

С 1955 года Алексей Прасолов проработал в росошанской районной газете 2 года и 9 месяцев. До конца жизни он ещё сменит много районных редакций, но ни в одной из них так долго не задержится.

Летом 1958 года у Алексея начался поистине кочевой образ жизни. Он уже не мог подолгу оставаться на одном месте. В конце июля Прасолов устроился на работу в газету “Красное знамя” Новокалитвенского района. В редакционном коллективе в то время было много его знакомых: В. П. Жилыев, Р. И. Каменева, И. И. Ткаченко. Новое место жительства имело несомненные достоинства. Райцентр Новая Калитва располагался на реке, прославленной в знаменитом шолоховском романе “Тихий Дон”. Широкая водная гладь, живописные берега не могли оставить равнодушной поэтическую душу. Да и люди, трудившиеся рядом, были доброжелательны и не чужды литературному творчеству.

Однако Алексей Прасолов начал работать в Новой Калитве в неподходящее время. Реформаторы наверху жаждали деятельности. Они, как кройщики в швейной мастерской, начали перекраивать территорию страны. В 1959 году Новокалитвенский район был ликвидирован, а вместе с ним перестала существовать и газета “Красное знамя”. Алексею пришлось возвращаться в Россошь. Его второе “пришествие” в “Ленинскую искру” завершилось через полгода. Затем, как короткий полустанок на жизненном пути, промелькнули два месяца работы в газете Ровеньского района Белгородской области.

Следующую, более длительную остановку Прасолов сделал в Петропавловке, где ему предоставили место заведующего сельскохозяйственным отделом в редакции районной газеты “Под знаменем Ленина”. В этом самом удалённом от областного центра захолустном углу Алексей особенно остро ощутил свою оторванность от мира. Именно в период работы в Петропавловке в стихотворении “Мелькают звёзды в синей бездне...” он напишет: “Обжитый мир четырёхстенный // сдавил по-волчьи — не вздохнуть...” Вскоре его снова усилившееся пристрастие к алкоголю привело к беде.

Те, кто сейчас изучают поэтическое и эпистолярное наследие Алексея Прасолова, могут давать высокую оценку его таланту и причислять к сонму знаменитых литераторов России. Когда же он был жив, те, кто с ним работал, смотрели на него, как на равного себе. За появление на работе в нетрезвом виде его сначала журили, потом наказывали и, наконец, увольняли. И, лично зная Алексея, могу сказать, что при постоянном общении с ним мириться с его выходками было нелегко. Даже Нина, любящая жена, мать его сына, так и не смогла после десяти лет супружества продолжать с ним отношения.

В Петропавловке наказание ужесточили. Участь заведующего сельхозотделом, которого сочли причастным к пропаже редакторского пальто, решила местная Фемида. Обычно вершительницу человеческих судеб изображают с аналитическими весами в руке с плотно завязанными глазами. У той, что судила Прасолова, повязка, по-видимому, немного сползла, открыв глаз, явно косивший в сторону райкома партии, где вопрос о возмутителе редакционного спокойствия был решён ещё до судебного заседания. В итоге — обвинительный приговор и три года лишения свободы.

Местом заключения для осуждённого поэта избрали село Кривоборье бывшего Берёзовского района. В октябре 1961 года в адрес редакции россосшанской газеты на имя её сотрудника И. И. Моргунова пришло письмо. В нём бывший товарищ по перу Алексей Прасолов обстоятельно рассказывал о своём зековском житье-бытье. “Девятый месяц, — писал он, — я нахожусь в той обстановке, о которой не раз думал прежде. Думал не от того, что она приятна, а потому, что она мне в последнее время была необходима... Ведь рано или поздно я окончательно бы спился. Мне нужно было горькое, но необходимое лекарство — изоляция на год, на два, чтобы окончательно очиститься от заразы, которая меня всё больше захватывала на воле...”

Я никогда за последние годы не чувствовал себя так облегченно и спокойно. И знаешь, у меня сейчас такое отвращение к прежней полутрезвой жизни, что я не верю порой: неужели это со мной было?.. Я работаю завклубом, за зону выхожу, когда мне надо, конвоя в нашем лагере нет, люди работают на стройке рядом, а часто и вместе с вольными... Я сейчас много читаю и думаю. А думая, продолжаю писать. Есть уже пять рассказов, блокнот стихов и несколько глав повести. Я готовлюсь к новой жизни и с трезвой головой...

Освобожусь я в мае того года по половине срока. Как раз намеченное доделаю и выйду не с пустыми руками. Переписываюсь с Воронежем, Тамбовом и Белгородом. Недавно отослал новую поэму...

В Россосшь я не вернусь. Не знаю, как там моя бывшая половина существует. Я с ней порвал всяческую связь и написал только об одном: пусть берёт развод, срок у меня даёт ей право на быстрый и бесплатный развод. Но она почему-то не берёт. Надеется? Так это пустая надежда. Отрезанный ломоть не пристаешь. Серёжа, Ваня, мне очень больно терять...”

В мае 1962 года Алексей Прасолов вышел на свободу. Бывшие сослуживцы по журналистскому цеху Борис Стукалин и Василий Песков одолжили ему денег, чтобы после полного гособеспечения было легче обжиться на свободе. В газетном секторе обкома партии помогли с работой, направив литсотрудником в межрайонную газету “Ленинец”, редакция которой находилась в посёлке Анна.

Своё недавнее намерение жить с трезвой головой Прасолов забыл очень скоро. Как-то в нетрезвом состоянии он оказался во дворе частного дома. В дверь не достучался, пошёл к окну веранды. В соседнем дворе услышали звон разбитого оконного стекла и вызвали милицию. Нарушителя задержали и при обыске обнаружили в его карманах страховое платёжное извещение на имя хозяина дома и губную гармошку. Мелкого похитителя задержали, составили протокол и передали прокурору.

7 августа в Анне состоялся второй суд над поэтом Прасоловым. Вынесенное решение было несоизмеримо с проступком: три года с присовокуплением того срока, что не отсидел в первый раз. Судья с прокурором перегнули палку, скорее всего, из-за тех слов, которые бросил им в лицо подсудимый: “Сколько раз вы ни кинете меня в неволю, я буду свободнее вас”.

Парадокс, но на этот раз время, проведённое в тюрьме, в творческом отношении стало для Алексея Прасолова наиболее плодотворным. В мае 1963 года он писал аспирантке МГУ Инне Ростовцевой: “...Чувствую в себе какую-то будущую уже близкую перестройку... Я, пожалуй, впервые почувствовал участие своей души в писании стихов, присутствие своей мысли”. На 33-м году жизни Прасолов стал писать по-новому. Эти стихи рождались в творческих муках:

*Всё незнакомо, как в начале:
Открой, взглядишь и разреши!..
За неизведанностью дали —
Вся неизведанность души.
И подчиняться не умея
Тому, что отрезвляет нас,
И слепну в медленном огне я,
И прозреваю каждый час.*

Прозрение, продолжавшееся весь 1963-й и первую половину 1964 года, завершилось своеобразным творческим рекордом — в неволе поэт написал

более семидесяти стихотворений. Его московский корреспондент Инна Ростовцева, с которой Прасолов делился своими сокровенными думами и делами, помогла ему установить связь с большой российской литературой. На опального поэта обратил внимание А. Т. Твардовский. В августовском номере “Нового мира” была напечатана подборка из десяти стихов никому не известного тогда поэта Прасолова. В том же месяце главный редактор журнала А. Т. Твардовский вызволил Прасолова из заключения, а в сентябре они встретились. После, вспоминая эту встречу, Алексей писал: “На втором этаже мне показали дверь с именем, видеть которое здесь — на дощечке, а не на книге, — было непривычно: А. Т. Твардовский...”

Пока он занимал место за своим редакторским столом, я непроизвольно произнёс:

— Прежде всего, спасибо за то, что я здесь стою...

Александр Трифонович понимающе кивнул и, сразу же придав моему последнему слову более простой смысл, ответил:

— А вы... садитесь.

Всё стало на своё место — я почувствовал Твардовского...

Встреча продолжалась полтора часа. Уходя от Александра Трифоновича, Прасолов уносил с собой “самое сущее — сознание того, что поэзия — дело”, и что он “не ошибался раньше, определяя её именно так: дело большое и праведное!” Подводя итог этой встречи, Прасолов писал: “Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский”.

Вскоре после возвращения из Москвы Прасолов по приглашению заведующего библиотекой Россошанского мясомолочного техникума Георгия Степановича Тарасенко встретился в читальном зале с учащимися этого учебного заведения. Он рассказывал о себе и своём творчестве, читал стихи. Алексей был полон энергии, творческого воодушевления и производил впечатление сильного, уверенного в себе человека.

С Георгием Тарасенко Прасолов познакомился сразу после того, как тот приехал в 1955 году в Россошь работать собкором областной газеты “Коммуна”. Тогда Алексей часто приходил к Тарасенко, чтобы почитать ему свои новые стихи. Думаю, что в то время, да и позже он очень нуждался в доброжелательном, неравнодушном слушателе своих поэтических опытов. Появлялся Прасолов в нашем дворе коммунального дома обычно поздно вечером или даже ночью. Тарасенко занимал двухкомнатную квартиру на первом этаже, и случалось, что на стук Алексея он, чтобы не беспокоить жену с маленьким сыном, вылезал к нему через окно. Они садились за грубо сколоченный, стоявший под раскидистым клёном стол и беседовали до первых петухов. Наведывался Прасолов и к россошанскому художнику Фёдору Петровичу Басову, человеку, не чуждому поэзии, оставшемуся романтиком до конца жизни. После, рассказывая об этих встречах, Басов находил в прасоловском сборнике стихотворение, которое они с ним обсуждали, и, глядя на меня, спрашивал: “Как ты думаешь, что Алексей подразумевал под этими строчками?” И читал, далеко отставляя раскрытую книжку от глаз: “Платье струями косыми. // Ты одна. Земля одна. // Входит луч тугой и сильный, // в сон укрытого зерна”. “Понимай, как хочешь, — отвечал я, — поэт тем и хорош, что даёт простор читательскому воображению”.

С Алексеем Прасоловым я был знаком на протяжении многих лет, но друзьями мы не были. Помню, он стал чаще заходить ко мне после возвращения из Москвы, куда он ездил на семинар молодых поэтов. Мероприятие это было рассчитано на два месяца, но Алексей выдержал только один.

Наверное, это было летом 1968 года. Прасолов уже не работал в редакции газеты “За изобилие”, куда он в третий раз вернулся в июне предыдущего года. Когда он заходил ко мне, я старался задержать его, поговорить с ним подольше, но он почти всегда торопился. Случаи, когда он соглашался остаться, можно пересчитать по пальцам. Одним из них был тот, когда мне удалось Алексея сфотографировать. Я хотел это сделать тайком, но он заметил и тут же посмеялся надо мной: тоже, мол, папарацци. В тот раз мы долго сидели на сложенных во дворе брёвнах. Алёша был в ударе, много рассказывал, читал стихи на память. Вспомнили войну, оккупацию. Некоторые моменты в его рассказе показались мне неправдоподобными. Я высказал свои сомнения, и это ему не понравилось. Алексей сразу умолк, замкнулся и тут же

засобирались уходить. Тогда я пожалел, что так опрометчиво влез со своими замечаниями.

Много лет спустя, когда в журнале “Подъём” напечатали “Жестокие глаголы” Прасолова, раскрывая только что купленный номер, я, грешным делом, подумал, что и здесь он, как при той последней встрече, нафантазировал. Подумал напрасно. В напечатанном отрывке из незавершённой повести не было и намёка на те, явно выдуманные похождения, о которых Алексей мне рассказывал на “дубках”. Живший в нём настоящий художник ни на йоту не погрешил против правды. Эти двадцать журнальных страниц взволновали меня и как читателя, и как земляка, и как сверстника. Прасолову удалось живо и ярко воссоздать время и людей той трагической поры. Почти у каждого тогдашнего школьника была учительница, проводившая на фронт близкого человека; и первая вражеская бомба, прервавшая школьный урок; и гнетущее чувство тревоги от приближавшегося фронта, и первая страшная встреча с оккупантами.

В этом коротком повествовании Алексей Прасолов очень точно передал характер местности, на которой происходили события. Легко узнавалось село Морозовка, старый помещичий сад над речкой Чёрная Калитва, вражеский аэродром у хутора Красный Пахарь. Знакомые места представляли в особом свете драматических событий 1942 года. Если бы автору суждено было пожить дольше, то наверняка в литературном мире заговорили бы не только о его стихах, но и о прасоловской прозе.

Последнюю страницу “Жестоких глаголов” я переворачивал с чувством глубокого сожаления. Ведь продолжения повести и её окончания уже никогда не будет...

* * *

Более чем спорное утверждение о том, что рукописи не горят, всё же иногда подтверждается удачными примерами из жизни. И, безусловно, к такому можно отнести недавно обнаруженные рукописи четырёх рассказов россосанского поэта Алексея Прасолова. Интересно, что рукописи найдены были там, где вряд ли бы кто догадался их искать.

Пять лет назад умерла в довольно преклонных летах жительница Россоши Нина Тимофеевна Удовенко. В вещах умершей обнаружилась старая папка с небольшой стопкой пожелтевших от времени листов и два сборника стихов с дарственной надписью хозяйке дома. На первом листе рукописи было написано: “Это писал Алёша Прасолов”, — а в левом углу стояла приписка: “Это всё, что он дал мне”, — и подпись: “Н. Удовенко”.

Чтобы понять, почему рукопись поэта оказалась в вещах покойной, необходимо вернуться в далёкое прошлое. А. Т. Прасолов родился в 1930 году в селе Ивановка. Сейчас этого села нет, а территория, на которой оно стояло, вошла в состав Кантемировского района. В 30-е годы Ивановка относилась к Россосанскому району. Отец Нины Удовенко, которая на шесть лет была старше Алексея, в те годы возглавлял парторганизацию ивановского колхоза. Однажды зимой 1932 года, возвращаясь из школы, Нина услышала доносившийся из хаты плач ребёнка. Она заглянула в крестьянское жилище и увидела там сидевшего на холодном земляном полу одинокого маленького Алёшу. Девочка пожалела мальчика и увела его к себе домой.

Поздно вечером к Удовенко заглянула вернувшаяся с колхозной фермы Вера Ивановна, Алёшина мать, уже успевшая обойти всех соседей в поисках сына. В это время Алёша, накормленный и отогревшийся, играл со своей добровольной нянькой. Наверное, матери нелегко было согласиться с тем, что её ребёнку лучше в доме у чужих людей, а не в собственной хате, из которой ей приходилось чуть свет, оставляя его одного, бежать на работу. Но она, пересилив себя, робко попросила: “Можно он ещё у вас побудет?” Родители Нины только переглянулись, ещё не зная, что ответить, а дочь радостно воскликнула: “Хорошо! Пусть Алёша живёт у нас. Я буду его нянчить”. Так маленький Алёша Прасолов оказался в семье парторга Удовенко. Он прожил у них зиму, весну и часть лета. Всё это время Нина заботилась о нём, как о своём младшем брате.

Память о маленькой няньке Алексей Прасолов сохранил на всю жизнь. Уже будучи известным поэтом, он не раз навещал Нину Тимофеевну. Случалось, когда был при деньгах, приходил к ней с подарками, а в трудные моменты она сама его подкармливала.

Предлагаемые к публикации повествования не совпадают по форме. Во второй автор представляет читателю дневник друга. Нетрудно догадаться, что содержание его перекликается с состоянием и личными переживаниями поэта. Алексей Прасолов не закончил работу над рукописью. Поэтому пришлось в некоторых местах корректировать текст, менять последовательность изложения. Но это очень незначительное вмешательство абсолютно не нарушило стиль и, самое главное, мысли и чувства, которые он хотел выразить.

Новогодний рассказ предлагается читателю нетронутым.

А. Морозов

Новогодняя ночь

Приближается Новый год, а я снова один. От этого мне немного смешно, немного грустно. Раньше я боялся одиночества. Оно было для меня таким же страшным, как страшно для бело-розового мая колючая метель. Теперь этого страха нет. Обычно под конец декабря меня посещает мысль, что в новогодний вечер мне встретится необыкновенная женщина, и, наверное, этим я подсознательно себя успокаиваю.

О жене и сыне я не тоскую... Нет, но всё же иногда подумываю о них. Да и эта вожденная новогодняя незнакомка у меня всегда получается чем-то похожей на мою бывшую жену.

В этот предновогодний вечер я долго оставался дома. Делать ничего не хотелось. Просто сидел, облокотившись на стол, и исподлобья рассматривал свою комнату. Кресло, журнальный столик, фотография сына, книжный шкаф... Меня давно подмывало пойти погулять. Оставаться в четырёх стенах было уже невозможно, но сдерживала мысль, что в такой вечер бродить по улицам в одиночестве могут только ненормальные. Некоторое время моё желание спорило с рассудком, но в итоге оно пересилило. Я оделся и вышел на улицу.

Вьюжило, на дорогу косыми прядями ложилась позёмка, звёзд не было видно. Возле фонарей искорками металась снежинки. Я иногда останавливался и смотрел на освещённые окна, за которыми люди готовились сесте к праздничному столу. Тоска одиночества вместе с холодом проникла под куртку. В тот момент надежда на интересную встречу с женщиной мне показалась особенно глупой. Может, без приглашения ввалиться к кому-нибудь из знакомых? Наверное, они встретили бы меня с подчёркнутым вниманием, но как раз этого мне и не хотелось.

Я остановился, раздумывая. А чего думать? Вернись домой, включи все лампочки, приёмник на полную мощность, откупорь бутылку и сиди, рассуждай сам с собой, пока не сморит сон. Наверное, я так бы и поступил, если бы моё внимание не привлёк силуэт, одиноко маячивший на слабо освещённой улице. "Интересно", – сказал я сам себе и пошёл навстречу. Подойдя ближе, я увидел, что это женщина. Она медленно шла, спрятав лицо в поднятом воротнике, который придерживала руками. Я не видел её глаз, но чувствовал, что она смотрит на меня. Когда мы поравнялись, я не выдержал и громко засмеялся. Она тоже остановилась, открыла лицо и явно заинтересованно, с милой улыбкой посмотрела на меня. По виду ей можно было дать лет двадцать пять, а там – кто его знает. Судить о возрасте женщины – непростая задача. Глаза у неё были весёлые, но чуть-чуть с грустинкой. Я эту грустинку уловил сразу, хотя она была глубоко спрятана в её широких зрачках.

У меня невольно вырвалось:

– Давайте встретим с вами Новый год.

– Вот так сразу, при первой же случайной встрече?

Она поправила пушистую шапочку, из-под которой выбилась тёмная прядь, и подняла воротник.

Я стал говорить ей, что в мире нет ничего случайного. Она кивнула мне в задумчивости и насторожилась. Наверное, от сознания того, что уже так поздно, а она одна стоит с незнакомым, совершенно чужим мужчиной.

Желая её успокоить, я осторожно, чтобы не отпугнуть, коснулся её рукавички. Наши взгляды встретились, и мы некоторое время, как бы знакомясь, смотрели друг на друга. В эти мгновения мне показалось, что я знаю эту женщину очень давно, как будто ещё в школьные годы мы сидели за одной партой.

— Так вот, ничего случайного нет, — прервал я затянувшееся молчание. — Разве случайно рождение человека или измена женщины, которая уходит к другому?

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Видимо, женщине было одиноко с мужем, — пояснил я, подумав про себя: “Какую же чушь я несу”.

По правде сказать, я не умею говорить с женщинами, и совсем напрасно на мой счёт злословят, что будто бы я готов кланяться каждой юбке, и жена тоже была обо мне такого же мнения.

— Вы увлекаетесь философией? — спросила незнакомка.

— Нет, я физик.

В этот момент она спохватилась:

— Ой, ведь уже, наверное, двенадцать?

Я посмотрел на часы. Осталось пять минут. Улица выглядела пустынной — ни одного прохожего.

Мы остановились и прислушались, ощутив на мгновение нависшую над нами глубокую тишину, которую тут же нарушил донесшийся из окна рядом стоявшего дома бой курантов. Первый удар, второй, третий...

Её пальцы дрогнули в моей руке, и она облегченно вздохнула. Мы поздравили друг друга. Я почти с тоской посмотрел на её губы. Она понимающе улыбнулась, хотела что-то сказать, но в это время во дворах, на балконах захлопали ружья и взвились яркими рассыпающимися звёздами ракеты.

И только теперь она спросила:

— Может, всё же скажете, как вас зовут?

— Роман Андреев, — нарочито поклонился я.

— Лида, — непринуждённо и просто прозвучал её ответ.

Я плохо помню, о чём мы говорили потом, но я испытывал приятное чувство, когда своим плечом касался её плеча. Мне давно недоставало женской ласки. Мы долго бродили по улицам. Окна в домах начали гаснуть. Ветер утих, появились звёзды, мороз крепчал.

В последнее время, когда я посещаю родное село, матери моих друзей детства смотрят на меня с сожалением. Они говорят: “Вот росли вместе, играли, учились в одной школе... Все свили себе гнёзда, живут с семьями, а он...” И замолкают, недоумевая, почему у меня всё получилось так нескладно. Что я им могу сказать? Ну, разошёлся, плохо мне без сына. Но человеческое счастье, видимо, не только в том, чтобы разделять с женщиной одну постель, плодить детей и жить всегда под одной крышей... А может, я не всё понимаю в этой жизни?

Усилием воли заставил себя отвлечься от этих грустных мыслей и посмотрел на Лиду. Она тоже думала о чём-то своём. Я остановился, взял её за руки и подвёл к уличному фонарю. Потом долго смотрел на её милое лицо, но так и не решился поцеловать.

— Ты не обидишься, если я приглашу тебя к себе? — спросил я, не замечив, как перешёл с нею на “ты”.

— Пойдём, мои ноги уже совсем закоченели, — легко согласилась она, и от её непринуждённой простоты мне стало тепло.

У меня в комнате было довольно прохладно, и я разжёл печку. Лида в это времязнакомилась с моим жилищем. Потрогала книги на полке, долго смотрела на фотографию сына и, ничего не спрашивая, села в кресло.

— Может, снимешь пальто? — спросил я, открывая дверцу поддувала.

— Потом, мне ещё зябко.

Лида сняла шапочку, тряхнула головой, расправляя короткую причёску. Её тёмно-каштановые прямые волосы скользнули вниз, закрыв щёки. Они волновались, поплёскивая, при малейшем движении милой головки.

Я поставил на стол бутылку шампанского.

— Не открывай. Пить сегодня ничего не будем, — попросила она.

— Пусть будет по-твоему.

Печь разгоралась, и комната наполнялась теплом. Я приготовил чай. Лида сняла пальто и, пока пристраивала его на вешалке, я пристально её

рассматривал. Она была одета в тёмно-синее платье прямого покроя, хорошо сидевшее на её стройной фигуре. Лида посмотрела на меня через плечо и, поймав мой откровенный взгляд, нахмурилась. Она вернулась в своё кресло. Мы долго молчали и, чтобы снова начать разговор, я пустился в рассуждения:

— Что такое 31 декабря? Просто земля в этот день из века в век возвращается в прежнее положение относительно какой-то звезды. Она вместе с нами заканчивает свой очередной бег вокруг солнца для того, чтобы снова ринуться в безбрежное пространство. Люди выбрали концом года 31 декабря, но это могло быть и 5 марта, и 13 мая, и любое другое число. Я не ручаюсь за точность своих рассуждений, но лично мне представляется, что сегодня или уже вчера мы как бы взошли на вершину перевала, и человечество, сбросив накопившуюся за год усталость, устремляется к следующей вершине.

Лида слушала меня и загадочно улыбалась.

— Ты сейчас рассуждаешь о вселенском явлении, а я сижу, думаю и, как ученица, не могу понять, что мы с тобой в такую ночь вот так просто сидим и разглагольствуем. Расскажи людям — не поверят.

Признаться, я тоже об этом думал, и мне давно хотелось её поцеловать, но какой-то внутренний голос отговаривал меня от этого. И только потом, когда мы вышли прогуляться, я, наконец, решился. Мы целовались долго, уповательно, сладко и, казалось, готовы были разорвать все запреты. Мы долго стояли, обнявшись, Лида доверчиво прижималась, касаясь своими коленями моих. Оба громко смеялись при этом и, похоже, были счастливы.

— Какие же мы глупые с тобой! — сказала она и спросила. — А у тебя же-на есть?

— Есть, вернее была.

— Да, и у меня есть муж.

Лида помолчала и неожиданно призналась:

— Не могу объяснить почему, но мне хочется ещё погостить у тебя.

Мы вернулись в квартиру. Часы показывали четыре утра. Лида устало откинулась в кресле, расслабилась. Она смотрела на меня пристально и лукаво и, немного посидев, сказала:

— Я прилягу, а ты покарауль меня в кресле.

Я замер. Она подошла к диван-кровати, потрогала её и села. С усмешкой посмотрела на мою смущённую физиономию и легла. Уютно свернулась калачиком и поправила платье. Я укрыл её одеялом, включил ночник и сел рядом в кресло. Сидел и слушал дыхание своей гостьи. Какие только мысли не будоражили меня! Сердце билось неровно, в голове шумело, пересыхало горло. Я долго не мог успокоиться. Но постепенно, заставил себя расслабиться. Меня окутало приятное тепло, и я погрузился в забытие.

Когда я проснулся, Лида была уже в пальто. Она улыбнулась и подала руку.

— Мне пора.

Я только кивнул головой и прикоснулся губами к кончикам пальцев её руки. Она сразу ушла, и я снова почувствовал себя одиноким. Сидел и глупо улыбался. В моей комнате ещё долго витал дух очаровательной незнакомки. Не верилось, что она была здесь несколько минут назад.

Я подошёл к диван-кровати, быстро разделся и нырнул под одеяло. Постель ещё хранила тепло Лиды, подушка пахла её волосами. Мне было хорошо. Я ни о чём не думал, просто наслаждался покоем и мыслью о том, что всё хорошо кончилось.

Мне приятно вспоминать эту необыкновенную встречу в новогоднюю ночь. Но меня огорчает то, что, когда я рассказываю кому-нибудь об этой встрече, мне обычно не верят. А чему здесь не верить? Ведь это действительно было.

Алексей Прасолов

6 июня 1962

ЦВЕТОВ НЕ БУДЕТ

(Дневник друга)

У меня в комнате чисто, и на столе цветы. Цветы, бедные вы мои цветы, вы всегда меня радуете, когда я трезвый. Я говорю сам себе: "Пусть будут всегда на столе цветы".

Честное слово, не верится, что я три раза лечился. Не верится, что я мог спать где-то под забором, в подвалах, на кладбище. И просыпаться с единственной жгучей мыслью бежать туда, где можно глотнуть вина. Скорее глотнуть, боясь, что вот-вот перевернётся мир в моём сознании.

Я часто думаю о сыне. Получилось так, что у нас с женой не сладилось, и сын остался у неё. Мне самому не верится, что такое могло случиться со мною. Порою чудится, что это всего лишь ссора, недолгая размолвка и скоро мы снова будем вместе.

Мой маленький Андрейка, сколько я тебя уже не видел? Две недели. И две недели я не пью. Можно же не пить? Можно. Так в чём же дело? Ты же три раза лечился от алкоголизма! Ты всё потерял: сына, семью, хорошую работу. И вот сидишь один в четырёх стенах, пишешь и говоришь себе: “Пора начинать всё сначала”.

13 июня 1962 г.

Сегодня чертовски устал на работе. Смена кончилась, все торопились домой, а мне куда? Взял у прораба в долг 5 рублей. Когда деньги в кармане, трудно пройти мимо магазина. Зашёл и купил две бутылки вина. Купил, а на душе скверно — недавно же давал себе обещание бросить пить. И тут же придумал оправдание: “Немного выпью и хватит. Может же, смогу как те, кто знает меру”.

Я пошёл к реке. Люблю поплутать по берегу в зарослях ольшаника среди старых белолосток. Плеск воды удивительно успокаивает. Бродил, слушал и потихоньку пил вино из горлышка, постепенно хмелея. Не заметил, как начал говорить вслух с воображаемым собеседником о своём прошлом, настоящем и будущем. Наверное, от выпитого вина моё будущее рисовалось в розовом свете.

Иногда я останавливался и от души смеялся над собой: “Нашёлся герой, мечтаешь о небесных пряниках, а позади и впереди — тьма, залитая вином”. Неожиданно мою душу охватил страх, и я поспешил домой.

В квартире не убрано, спёртый воздух. Мозг сверлила мысль: “Опять я не сдержался... Может, не надо больше?” Мой взгляд упал на скомканную грязную газету. В голове мелькнуло: “Она похожа на мою жизнь”. Я смотрел на жизнь легко. В 30 лет я ничего не добился, хотя нет, скорее, добился многого, но оно мне легко давалось, и так же легко я всё терял.

“Ну, глотни ещё, пусть не лезут эти ненужные мысли”, — говорю я себе. Зачем я всё это пишу? Затем, чтобы хоть чем-нибудь отвлечься, убить время, чтобы не пить. Может быть, когда-нибудь эти записи прочтёт мой сын, и это поможет ему избежать горькой отцовской участи.

Неужели нет выхода? Из зеркала на меня в упор смотрят беспокойные серо-синие глаза. Они ещё не помутнели. Сегодня я почему-то мало хмелею.

В единственное окошечко моей конуры, где я обитаю, вот уже месяц постукивает веточка алычи. На полу, залитом вином, вместе с окурками, пробками валяются книги, рукописи, грязное бельё... Я всё это сдвинул ногой в угол и подмёл пол.

Думать ни о чём не хочется. Как бы там ни было, как бы я ни оправдывал себя в мыслях, я хорошо понимал и понимаю горькую тяжёлую правду. И сейчас мы с этой правдой один на один.

Что мне дали последние восемь лет? Репутацию алкоголика, неврастеника, дебошира, четыре сердечных приступа, три психоневрологических диспансера, десяток работ, которые я сменил. Вот с такими данными я должен начать свою жизнь сначала.

Было около девяти вечера, и я заторопился в дежурный магазин, чтобы купить ещё вина, после чего забыться и уснуть. А утром... а утро, как говорят, мудрее вечера.

10 августа 1962 г.

Андрейка, сыночек ты мой! Я сегодня весь день тебя рисовал. Меня ещё не выгнали с работы. Я сейчас трезвый. Дрожат руки, выступает липкий пот. Трудно дышать. Плохо с сердцем. Не стал, сыночек, похмеляться. У меня всего одна твоя фотокарточка, и я боюсь, что она со временем испортится.

Сынок, я как-нибудь эту ночь отмучаюсь, и больше не буду пить. Наконец, до меня совсем дошло, что я не могу себя сдерживать. Спасение одно: работать, работать и работать так, чтобы валиться с ног и на ходу засыпать.

Я пойду немного пройдуся, а потом ещё с тобой поговорю.

Темнело. Я бродил по улицам просто так. На скамейках сидели старухи, грызли семечки и, наверное, как всегда, о чём-то тихо сплетничали. Вслед мне лаяли глупые дворняжки.

Из-за верхушек тополей выглядывала огромная красная луна. Вечер был душный, и в душе у меня было душно и гадко. Болела голова, хотелось выпить, но не было денег. Я их сразу пропил. Конечно, денег можно занять, но не хочется унижаться, что-то придумывать, лгать... Ничего не хочется.

Луна уже не пряталась за деревьями. Она поднялась выше, побледнела и уменьшилась. Я шёл по гравийной дорожке, по обе стороны которой росли сливы, вишни, абрикосы. Вверху они переплетались ветвями, образуя туннель. Навстречу попадались девушки в коротеньких юбочках и, обдав меня молодостью и свежестью, торопились дальше. Иногда встречались подвыпившие юнцы, стараясь задеть меня плечом.

Я шёл и не знал, чего мне надо. В памяти год за годом проплывала прошлая жизнь. Ни товарищей, ни друзей, ни родных. Полубродяга, полуженатый, полухолостой, а скорее, полуидиот. Мне стало невыносимо, и я повернул обратно.

Видишь, мне плохо, мой мальчик, поговорим завтра.

10 ноября 1962 г.

Ну вот, Андрюшка, а жизнь-то хорошая штука! Только стоит бросить пить. Уже три месяца не пью. Меня премировали, и я на эти деньги купил тебе подарок. Завтра вышлю.

Я снова выхожу в люди. У меня есть всё. И, чего греха таить, этим я тоже обязан людям. В будущем году, видимо, получу квартиру.

А зачем я снова начал писать? У меня же всё есть. Всё, но чего-то мне не хватает. Что-то я утратил. Всё время ощущается какая-то пустота, которую я ничем не могу заполнить. Так у меня есть сын или нет сына? Я всё один и один. Не хочется второй раз жениться. Не то, что не хочется, а я просто об этом и не думал. И сына я давным-давно не видел и ехать боюсь к нему. Боюсь встречи с ним. Нет, не хочу писать об этом. Не надо самого себя терзать.

30 ноября 1962 г.

Недолги осенние сумерки. Только что всюю сочно пламенела на западе заря, и всё было пропитано лёгкой голубизной. Но с востока быстро надвинулась холодная синева, поглотившая все краски. Она поминутно густеет, опускается ниже, становится мутной, и вот уже далеко то замерцает вдруг нерешительно, то вновь погаснет крохотная звёздочка.

Сынок, ты мне снишься каждую ночь, а ещё мне снится моя работа. Я сейчас наслаждаюсь трудом и с головой отдаюсь ему, как когда-то в прежние годы.

25 марта 1963 г.

Конечно же, все заметили сегодняшнее утро. Нельзя было не удивиться тому, что нам подарила щедрая природа. Как она разукрасила в иней окна, ветви деревьев, паутину проводов. Мы всегда торопимся и часто не замечаем эти прекрасные мгновения. А ведь такого утра больше не будет. Оно неповторимо. Это зима встречалась с весной и поднесла людям свой последний дар. Так ловите же эти мгновения, не торопитесь, остановитесь на минутку, побольше глотните воздуха и радуйтесь! Радуйтесь, люди добрые!

А что там делает мой малыш? Мой славный Чики-Чики... Как ты чудесно смеялся, когда я тебя так звал. Ты не помнишь, ты был тогда совсем несмышлёныш, только счастливо таращил глазыньки.

Я целую вечность не пью. Пропах весенними ветрами и терпким запахом хвои. Сегодня был в лесу. Нашёл на поляне три крохотных подснежника. Они стоят в стаканчике рядом с твоим портретом. Ты смотришь на них чуть удивлённо и озорно. Твоя мама очень любила подснежники. Первые цветы всегда были её.

28 марта 1963 г.

Сегодня в честь тебя, Андрейка, посадил берёзу. Может, когда-нибудь ты, усталый, с сединами присядешь отдохнуть в её тени. Я знаю, она тебя ус-

покоит и вольёт силы... Буду её поливать, чтобы она весело шумела листочками. Моя берёзка, как и я, будет скучать по тебе.

1 сентября 1964 г.

Больше года не писал. Не знаю, как это снова случилось. Рухнуло всё. Весь год не пил. Возьму бутылку вина, ничего, думаю, не случится. Дома выпил. Показалось мало. Взял ещё три литра домашнего вина. Уснул. В два часа ночи допил вино и снова свалился. Утром голова раскалывалась. Не вытерпел, похмелился.

На третий день уже дрожали руки. На работу не ходил. Я ни о чём не думал. Знал, что если не выпью, придёт конец. Пульс почти не прощупывался.

Называл хозяйку квартиры самыми ласковыми словами и выпросил три рубля. Просил три дня. Потом продал часы, костюм, рубашки – всё, что было. Просил по 20 копеек у прохожих, объясняя, что задержали зарплату и не хватает денег на билет. Потом украл у хозяйки простыню и продал за рубль.

Хозяйка не стала пускать ночевать. Три ночи спал на сырой земле под забором. Кое-как уговорил хозяйку пустить в дом, согреться. Когда хмель стал проходить, начались кошмары. Всё тело содрогалось, и никакими усилиями я не мог унять эту дрожь. Временами казалось, что я теряю сознание. На четвереньках дополз до стола, где у хозяйки хранилось перебродившее варенье. Как сквозь сон, слышал проклятия, которые посылала в мой адрес старуха. Она ударила меня пинком, а потом через грязную марлю нацедила жижицы из банки. Зубы стучали о край стакана. Немного полегчало.

За окном начинало сереть. Я ещё раз проверил все её банки с перебродившей кислятиной. Старуха ругалась отборной бранью. Я терпел. Мне был нужен глоток вина. Стал перед ней на колени, целовал грязные, вонючие руки, умолял найти где-нибудь стакан самогона. Она долго-долго одевалась.

Я тороплюсь писать, пока ещё в жилах ходит хмель, пока слушается рука. Где те мечты, те надежды, которыми я жил в юности? Их давно нет. Липкая действительность железными лапами обступила меня батареями бутылок, за которыми мелькают, терзая и ужасая, образы того, что не сбылось, что кануло в вечность. Рассыпались в прах и пыльные порывы, и ясные стремления, и неукротимые силы. На что надеяться? Осталась удушливая, дикая тоска, которая заполнила всего меня. Старуха спрашивает, что я пишу. Я ей отвечаю: “Сейчас выпью твой самогон и тогда, может быть, доберусь до дома для сумасшедших”.

Ну что ж, сынок! Нет у тебя отца. Я никогда так не пил, как сейчас. Пятый месяц без отдыха. Прости, мне больше не выпутаться... Каким бы я ни был, ты всегда был со мной... А вот и проклятая старуха что-то несёт...

* * *

На этом записи Романа Андреева обрываются. Он передал мне их, когда я пошёл проведать его в диспансер. Он лежал притихший, блеск его глаз потускнел, кожа лица и рук была жёлтой. “Печень полетела”, – просто объяснил Роман. Мы почти всё время молчали. Я навсегда запомнил его последние слова: “Не может быть никакого оправдания тому, кто пьёт. Ни тяжёлые испытания, ни тоска одиночества, ни радость не заслуживают того, чтобы пить. Пьёт малодушие. Это я знаю точно”. При расставании он тихо попросил: “Поливай, пожалуйста, берёзку”.

Он очень любил сына, жену, любил людей и лес. Он любил жизнь и вино.

Кто-то другой всё это долюбит за него, пройдёт по диким лесным тропинкам, порадует голубизне неба. Кто-то другой воспитает его сына и будет дарить цветы его жене.

Через день он умер. Никто не принёс цветы на его могилу.

Алексей Прасолов
1964